

С. Н. ИВАНОВ

К ИСТОЛКОВАНИЮ МНОГОЗНАЧНОСТИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ (На материале тюркских языков)

Вопрос о природе многозначности грамматических форм едва ли не главный вопрос грамматики. Эмпирическое многообразие значений той или иной грамматической формы ставит перед исследователем задачу объяснения их как определенной системы на основе убеждения в том, что «россыпь» частных значений не может быть неурегулированной, что в грамматике не может быть «беспорядка». К этому же побуждает и интуитивное недоверие к простому перечислению значений, так как перечисление не может являться целью научного описания определенной группы фактов¹.

Грамматические изыскания в тюркологии только в наши дни и притом весьма трудно расстаются с затянувшимся этапом простой систематизации и регистрации фактов языка. Но именно теперь, когда осуществлена огромная работа по систематизации фактов тюркской грамматики, необходима разработка теоретических и методологических основ грамматического исследования. Выход из тесных оков «перечислительной» грамматики возможен на основе приобщения грамматических исследований в области тюркских языков к тому направлению в грамматике, которое пытается уяснить проблему общих (инвариантных) значений грамматических форм.

Хотя сама идея общих значений имеет многочисленных противников, исследователь, пытающийся приложить к грамматическим изысканиям положения марксистского диалектического метода, не может обойти стороной то утверждение диалектики, согласно которому общее объективно существует и не может не существовать². Следовательно, вопрос о том, что лежит в основе бесконечного варьирования значений отдельных грамматических форм (например, того или иного падежа), — это не вопрос о самом существовании общего (оно бесспорно), а вопрос о том, как понимать то общее, которым объединяется эмпирическое многообразие семантики той или иной грамматической формы.

Проблема общих значений, выдвигавшаяся и раньше³, теоретически разрабатывалась Пражской школой. Р. Якобсон, например, связывал данную проблему с вопросом об асимметричности структуры языкового знака и о противопоставлении в пределах грамматической категории маркированного и немаркированного членов. Им было сформулировано понятие об общем значении падежа как о «синхроническом общем знаменателе» всех его частных (контекстуальных, комбинаторных) значений⁴. Однако

¹ Ср.: И. А. Бодуэн де Куртене, Избр. труды по общему языкознанию, II, М., 1963, стр. 52.

² См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 29, стр. 160.

³ См., например: Н. П. Некрасов, О значении форм русского глагола, СПб., 1865, стр. 105—108.

⁴ Р. О. Якобсон, Морфологические наблюдения над славянским склонением. «American contributions to the IV. International congress of slavists, Moscow, September 1958», 's-Gravenhage, 1958, стр. 5. См. также: «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», II, М., 1962, стр. 47.

это определение находится в некотором противоречии с его же замечанием о том, что интеграция частных значений падежа не должна вести к установлению их «общего наименования» и что такое понимание общего значения является упрощением проблемы⁵.

Критики теоретических положений Р. Якобсона отмечали «схематизм и априорность», свойственные попыткам установить общие значения падежей, принципиальную «неназываемость» общих значений⁶, их «предельную отвлеченность»⁷. Указывалось также, что разнородные значения того или другого падежа не могут быть сведены к единому общему знаменателю⁸.

Оригинальное обоснование общих свойств падежных форм дано Е. Куриловичем, постулировавшим принципиальную двойственность значений и функций каждого падежа, обусловленную различиями между синтаксическими и семантическими характеристиками падежа и между двумя типами позиций падежных форм — центральной и маргинальной⁹.

Главным недостатком существующих попыток установления общих значений для грамматических форм является отсутствие надежной методологической основы в исследовании этой проблемы¹⁰ и невыработанность определенной методики выделения общих значений¹¹. В науке о языке все чаще высказывается мнение о необходимости определенной методологии как философской основы грамматических исследований¹². Отсутствие четкой и надежной методологической основы особенно резко ощущается при решении вопросов трудных и запутанных, когда эмпирическая «разрозненность» фактов ставит исследователя перед сложной задачей объединения их в теории, обладающей убедительной объяснительной силой.

Несомненно, что к интересующей нас проблеме прямое отношение имеют диалектические положения о соотношении общего и единичного. Коренная особенность в понимании диалектической логикой категории общего (противостоящая толкованию общего формальной логикой) состоит в том, что диалектически общее не может быть выведено из единичных явлений, предметов и т. д. путем абстрагирования от их конкретных свойств, путем выделения одинакового в них, посредством установления некоего признака, в равной мере свойственного всем видовым единицам данного рода, данного класса предметов или явлений. Диалектическая логика утверждает, что общее по отношению к единичному — это та система связей, в которую включено данное единичное. Именно такое понимание общего ведет к созданию конкретно-общего понятия о нем, тогда как извлечение тождественных признаков из единичных видовых предметов данного родового класса может привести лишь к образованию абстрактно-общего представления, не отражающего сущности общего. Единичное — это явление, общее — это система, в рамках которой существует единичное, это глубинная основа ряда явлений, их сущность¹³.

⁵ R. Jakobson, Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre, TCLP, 6, 1936, стр. 252.

⁶ М. И. Стеблин-Каменский, Грамматика норвежского языка, М.—Л., 1957, стр. 47—48, 153—154.

⁷ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, I, 2-е изд., Братислава, 1965, стр. 95.

⁸ Е. Курилович, Очерки по лингвистике, М., 1962, стр. 182—191.

⁹ Там же, стр. 175—203.

¹⁰ См. об этом: К. Hořálek, Metodologické předpoklady historickosrovnávacího stádia gramatických kategorií, сб. «K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků», Praha, 1958, стр. 20.

¹¹ См.: «Основные направления структурализма», М., 1964, стр. 106.

¹² См.: Э. Косериу, Синхрония, диахрония и история, сб. «Новое в лингвистике», III, М., 1963, стр. 275, 293—294.

¹³ См. об этом, например, в кн.: «Диалектика и логика. Формы мышления», М., 1962, стр. 64.

Таким образом, категория общего тесно связана с понятием сущности как скрытой субстанции предмета, проявляющейся вовне, как внутренне необходимой структуры предмета. Гносеологическое следствие такого понимания категорий общего и сущности состоит в том, что диалектическая логика считает единственным реальным содержанием научного понятия теоретическое воспроизведение сущности как общей основы взаимодействия внутри ряда единичных предметов (явлений). Способ конструирования научного понятия о том или ином объекте диалектическая логика видит в восхождении от абстрактного к конкретному; такое восхождение предполагает переход от отдельных абстрактных, т. е. констатируемых еще вне всеобщей связи, определений к конкретному определению, охватывающему собой отдельные частности в их всеобщей связи друг с другом. «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного»¹⁴.

Для истолкования характера соотношения общего и единичного существенны также и диалектические категории предмета, свойства и отношения. Диалектический материализм исходит из субстанциального понимания существующего, т. е. рассматривает объективную действительность как совокупность вещей (предметов), являющихся носителями определенных свойств и отношений. Вещь не существует в виде «чистой» субстанции, т. е. отдельно от своих свойств и от отношений к другим вещам. Знание о предмете складывается из знания его свойств и связей с другими предметами. Сущность — глубинная субстанция предмета, проявляющаяся вовне в виде многообразных его отношений, которые возможны благодаря наличию у него определенных свойств. «...свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...»¹⁵.

Наконец, еще одно понятие диалектической логики, которое должно быть привлечено к объяснению проблемы грамматической многозначности, — понятие о противоречивом характере сущности. Выявление всего многообразия отношений, которыми сущность предмета обращена вовне, приводит к знанию ее свойств как внутренних ее характеристик. Познание внешних отношений предмета ко всему, с чем он связан, ведет к пониманию того единственного, органического отношения, в котором сущность предмета находится к самой себе: отношение ко всему остальному это и есть отношение сущности к самой себе, и отношение это должно быть познано как противоречивое. «В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предметов...»¹⁶.

Каким образом указанные методологические принципы, понятия и категории диалектики и диалектической логики могут быть приложены к анализу интересующей нас проблемы?

Прежде всего следует отметить, что попытки определения общего значения той или иной грамматической формы как общего семантического знаменателя всех ее возможных употреблений (и, соответственно, значений) — это извлечение абстрактно-одинакового, не ведущее к пониманию конкретной сущности данной грамматической формы. Точно так же и простое перечисление отдельных значений грамматической формы — это ряд не связанных друг с другом абстракций, не являющихся научным понятием. Гегель указывал, что характерной особенностью эмпирических наук является отыскание общего в единичных вещах без проникновения в их субстанциальную суть¹⁷. Если же, в соответствии с диалектической логикой,

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 12, М., 1958, стр. 727.

¹⁵ Там же, т. 23, стр. 67.

¹⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 29, стр. 227.

¹⁷ Гегель, Соч., VI, М., 1939, стр. 18.

от абстрактных упоминаний отдельных свойств предмета «восходить» к конкретному — к системе, к сущности, к взаимодействию, то общее грамматическое значение анализируемой формы следует определить как систему ее значений, скрытую от непосредственного наблюдения сущность, стоящую за явлениями — частными значениями.

Соотношение грамматических понятий формы, значения и функции представляется возможным рассматривать в свете соотношения диалектических категорий предмета (вещи), свойства и отношения. Если грамматическую форму рассматривать как предмет, т. е. как нечто, имеющее отдельное бытие, то она обладает известной субстанцией, сущностью, складывающейся из ее свойств (значений), которые проявляются в ее отношениях, т. е. в ее функционировании. Скрытая субстанция грамматической формы может пониматься как ее отношения (синтаксические функции), «обращенные внутрь», т. е. как значения, заложенные в грамматической форме.

Субстанциальное понимание грамматической формы как носителя определенных свойств-значений, проявляющихся в ее отношениях (синтаксическом употреблении), отражает собой двойственную и противоречивую морфолого-синтаксическую природу грамматических форм: с точки зрения субстанциальности они обладают самостоятельным бытием и «до» своих связей, но вместе с тем их свойства реально проявляются только в единичных связях. Это противоречивое единство грамматических форм есть проявление диалектики общего и единичного, сущности и явления, предмета и его свойств. При таком понимании грамматических форм выявляется внутреннее единство их морфологических и синтаксических качеств: синтаксическая характеристика грамматической формы — это те отношения, в которые она вступает благодаря наличию у нее определенных значений, а морфологическая ее сущность — это ее значения, определяемые особенностями ее синтаксического употребления.

Как понимать систему значений? Какие системные отношения можно усмотреть в ряде значений той или иной грамматически многозначной формы? Все изложенное ниже не является готовой схемой подхода к проблеме грамматической многозначности. Это — лишь возможное теоретическое осмысление ее с позиций диалектического метода, поиски путей интерпретации многочисленных грамматических категорий, каждый член которых обладает полисемантичностью.

Рассмотрим одну, наиболее многозначную, форму, например исходный падеж, с тем, чтобы потом приложить добытые принципы к анализу других падежных форм и категории склонения в целом¹⁸. Наиболее «очевидным», «ближайшим» значением исходного падежа (с этого значения обычно и начинается описание данного падежа в грамматиках) является значение исходного пункта движения:

(1) *şehirden gitmek* «уйти (уехать) из города», *evden çıkmak* «выйти из дома». Это обстоятельственное значение исх. падежа («пространственное», по обычным определениям) четко противопоставлено обстоятельственным значениям дат.-напр. (*şehirde gelmek* «прийти в город», *eve girmek* «войти в дом») и местн. (*şehirde oturmak* «жить в городе», *evde çalışmak* «работать дома») падежей. За пределами этого значения исх. падежа лежит обширный ряд объектных и некоторых других значений, которые не соотносены с другими падежными формами столь же наглядным образом. Задача анализа этих значений представляется в следующем виде: проследить ряд

¹⁸ Анализ осуществлен на материале турецкого языка, однако все изложенное ниже приложимо и к другим тюркским языкам. См.: С. Н. Иванов, «Родословное древо тюрков» Абу-л-гази-хана. Грамматический очерк, Ташкент, 1969.

взаимно связанных значений, их цепь как значений, сводимых друг с другом, уяснить предел сводимости значений и установить тот «остаток» значений, который находится за пределами сводимости; затем надлежит выяснять взаимную связь значений в рамках этого остатка и их отношение к первому ряду. Этот путь должен привести к пониманию данной грамматической формы как определенной структуры ее содержания.

У исх. падежа может быть прослежен следующий ряд связанных между собой, сводимых к идее отложительности значений:

(2) источник изъятия, изымания: *dostumdan kitap aldım* «я взял книгу у моего друга», *kuşu kafesten salıverdi* «он выпустил птицу из клетки», *halktan vergi almak* «взимать с населения налоги», *kitaplardan birini seçtiler* «они отобрали (=выбрали) одну из книг»;

(3) объект ограничения, отстранения (отделительно-привативное значение): *kardeşini ölümden kurtardı* «он спас своего брата от смерти», *aceba karısından boşandı mı?* «неужели он развелся со своей женой?», *uykusundan uyandıramamış* «он не смог очнуться от своего сна»; с этим значением связано употребление послелогов отграничительного значения с исх. падежом (*sonra* «после», *önce/evvel* «до», «прежде», *beri* «с тех пор как», *başka* «кроме»);

(4) объект — источник выделения чего-либо или частичный объект: *doktorlardan birini çağırdım* «я позвал одного из докторов», *meşhur baklava ve çöreklerden bol bol yedi* «он вволю поел знаменитой баклавы и чорекков»; ср. аналогичное значение при предикативном употреблении исх. падежа: *o askerlerdendir* «он — из военнослужащих»;

(5) объект — источник осуществления действия или состояния: *yüzünden dargın olduğunu anladı* «по ее лицу он понял, что она обижена», *onu hareketlerinden tanıdım* «я узнал его по его поступкам», *okuduğum kitaplardan çok faydalı malûmat bildim* «из прочитанных мною книг я познал много полезных сведений»;

(6) объект со значением происхождения: *tüccar ailesinden geliyor* «он происходит из семьи торговцев», *bir anadan doğan kardeşler* «братья, рожденные от одной матери»; ср. предикативное употребление исх. падежа: *kendisi orta halli bir ailedendir* «он — из семьи среднего достатка»;

(7) объект — источник возникновения действия или состояния (причинное значение): *ayağından yattı* «он слег из-за (болезни) ног», *yağmurdan mağazaya gitmedim* «из-за дождя я не пошел в магазин»; ср. идиоматизированные значения, в которых оттенок причинного значения сохраняется как бы в «приглушенном» виде: *o, bu işten memnundur* «он доволен этим делом (= из-за этого дела)», *hareketlerimden pişman oldum* «я раскаялся в своих поступках (= из-за своих поступков)», *karısını bacanağından kıskanıyormuş* «оказалось, что он ревнует свою жену к свояку (= из-за свояка)»;

(8) объект со значением содержания: *heyet on kişiden kuruluydu* «комиссия была составлена из десяти человек», *bagajı iki bavuldan ibaretti* «его багаж состоит из двух чемоданов»;

(9) объект со значением материала («источник изготовления»): *duvarı taştan yapıldı* «стену сделали из камня»;

(10) объект — источник сравнения: *taştan ağır* «тяжелее камня», *benden iyi okuyor* «читает лучше, чем я», *sinekten büyücek böcek* «букашка чуть побольше мухи»; связь этого значения с семантикой отграничения [см. (2)] хорошо видна на примерах типа *sizden farklı olarak* «в отличие от вас», «по-иному, нежели вы».

Наряду с указанной цепью отложительных значений, у исх. падежа могут быть отмечены значения, не сводимые к семантике отложительности, но образующие особый ряд значений, в котором отдельные значения объединены семантикой затрагивания действием, т.е. своеобраз-

ным значением приложительности¹⁹. Здесь могут быть выделены следующие случаи:

(11) значение орудия, средства осуществления действия, предмета-посредника, предмета, к которому прикладывается действие: *şart olsun seni saçlarından asarım* «клянусь, я повешу тебя за волосы», *kapı deliğinden bir otomobil görünmekte* «через отверстие в двери виднеется какой-то автомобиль», *merdivenlerden iniyor* «он спускается по лестнице», *pencereden soğuk geliyor* «через окно доходит холод», *evin kapısından girerken* «когда он входил через дверь дома»;

(12) значение посредствующего пространства: *üst taraftan, sarayın duvarları dibinden yürüdüler* «они прошли верхним краем, у подножия дворцовых стен», *çamurlu yoldan gidiyorlar* «они идут по грязной дороге», *yüzünden yaşlar akıyor* «по лицу его текут слезы»;

(13) изъяснительное значение («приложительность» при глаголах речи или существительных, имеющих «речевое» значение): *şundan bundan konuşuyorlardı* «они говорили о том, о сем», *yetiştirdiği çiçeklerden bahsetti* «он говорил о цветах, которые он выращивает», *hiçbir şeyden malûmatımız yok* «у нас ни о чем нет сведений», *geçenden hikâye* «рассказ о прошлом»;

(14) касательно-достигательное значение: *jandarmının biri ayağıyla arkasından dokundu* «один из жандармов прикоснулся ногой к его спине», *göğsünden yaralı* «раненный в грудь», *ayaklarından tutup sürükledi* «он волочил его, схватив за ноги», *bileğinden yakaladı* «он ухватил его за руку», *yanağından öpüyor* «он целует ее в щеку», *arkasından yetişmek* «догнать кого-либо сзади».

Таким образом, подводя итог анализу значений исх. падежа и попыткам усмотреть в них систему, можно сказать, что на поверхности фактов очевидно противопоставление обстоятельственного значения исх. падежа («откуда?») дат. («куда?») и местн. («где?») падежам, а вне этого противопоставления — в сфере главным образом объектных значений данной падежной формы — наблюдается богатое варьирование их, причем самым характерным признаком этого варьирования оказывается расщепление сложной гаммы значений на противоположные группы значений отложительных и приложительных.

В том, что указанное распределение значений исх. падежа представляет собой не субъективную их интерпретацию, а специфическое свойство грамматически многозначной формы, убеждает рассмотрение совокупности значений другой многозначной падежной формы — дат. (напр.) падежа, у которого соотношение многообразных его значений в принципе такое же, как и у исх. падежа. Обстоятельственное значение дат. падежа («куда?»), противостоящее обстоятельственным значениям исх. и местн. падежей, сосуществует в нем с пространным рядом объектных значений, в котором также можно усматривать две группы противоположно направленных значений. С одной стороны, это ряд «адресатных» значений направления (*lokantaya gittim* «я пошел в столовую»), достигательности (*şehre geldik* «мы пришли в город»), цели (*suya gitti* «он пошел за водой»), предназначения (*oğluna paltı aldı* «купил своему сыну пальто») и некоторые другие; с другой стороны, это ряд значений, объединяемых семантикой объекта, вызывающего ответную реакцию в виде действия или свойства, проявляемых по отношению к объекту (1), или объекта, предполагающего предметную компенсацию, замену, эквивалент, подобие (2).

¹⁹ Факт наличия у исх. падежа приложительных значений отмечен А. Н. Коновым (см. его «Грамматику современного турецкого литературного языка», М. — Л., 1956, стр. 90—91).

(1) *haline acıdım* «я сочувствовал его положению», *doğru lafa «hayır» diyen yok* «никто не скажет „нет“ справедливым словам», *ne dersin bu akla?* «что ты скажешь на этот совет?», *hele delikanlılar amerikan sigarasına bayılıyor* «в особенности обмирают по американским сигаретам юноши», *uyduruk söze kandın* «ты поверил вздорным словам», *bu işlere inancım artıyor* «мое доверие к этим делам увеличивается», *var mı buna bir diyeceğiniz?* «имеете ли вы что-либо сказать на это?», *bu sevinç buhranına tutuldular* «они поддались этому порыву радости», *yaptığıma birdenbire pişman oldum* «я внезапно раскаялся в содеянном мною», *suallerime soğuk cevaplar veriyordun* «на мои вопросы она давала холодные ответы», *insan olduğuna utanırsın* «ты устыдишься того, что ты зовешься человеком»;

(2) *arabalar beş kuruşa* «(детские) тележки по пять курушей», *bu malı bana yüz liraya satar mısın?* «продашь ли ты мне этот товар за сто лир?», *gayretle çalışacağına gezip tozuyor!* «вместо того, чтобы старательно работать, он разгуливает!», *köylü verdiğine mukabil ne alır?* «что крестьянин получает взамен того, что он отдает?».

Совокупность значений исх. и дат. падежей показывает, что в своих конкретных пространственных значениях эти падежи вместе с местн. падежом образуют специфический ряд падежных форм с обстоятельственными значениями, противостоящими в пределах этого ряда. Отвлеченные же значения дополнения у обоих этих падежей выходят за пределы их соотношения между собой²⁰ и с местн. падежом и оказываются соотносительными с объектными значениями других падежей — основн. и вин. (ср., например, противопоставление значений частичного объекта у исх. падежа: *findiklardan verdi* «дал орехов» и объекта, полностью охватываемого действием, у вин. падежа: *findiklari verdi* «дал орехи»). Все падежи, способные выражать объектные значения, противопостоят основн. падежу как падежу субъекта, подлежащего.

Рассмотрение всей совокупности значений и функций других падежных форм убеждает, что противоречивая двойственность значений характерна для каждой падежной формы. При этом двойственность значений у каждого падежа связана с двояким противопоставлением падежей — в пределах «своего», м а л о г о ряда падежных форм и в рамках всей падежной системы в целом, т. е. в пределах б о л ь ш о г о ряда. В м а л о м ряду падежных форм выявляется внешняя противопоставленность одного падежа другим — ближайшим его коррелятам, в б о л ь ш о м ряду область противопоставления шире и грамматичнее, а собственные значения падежа проявляют большое разнообразие, доходящее в крайних своих звеньях до полной противоположности значений у каждого падежа — противоположности не внешней, а в н у т р е н н е й. Эта особенность падежей в тюркском склонении выглядит следующим образом.

О с н о в н о й падеж в «своем», м а л о м ряду форм противопостоят своим ближайшим коррелятам — род. и вин. падежам. Противопоставление основн. и род. падежей имеет место в изафетных сочетаниях с прилегающим определением: основн. падеж здесь является формой отвлеченно-предметного определения (*çocuk uykusu* «детский сон»), противостоящей род. падежу как форме конкретно-предметного определения (*çocuğın uykusu* «сон ребенка»). Противопоставление основн. и вин. падежей имеет место в позиции прилегающего прямого дополнения: основн. падеж здесь является формой отвлеченно-предметного дополнения (*kitap okuyor* «читает книгу/книги»), противостоящей вин. падежу как форме прямого до-

²⁰ В этом плане чрезвычайно показательна нейтрализация различий в значениях исх. и дат. падежей в тех случаях, когда они не имеют пространственного значения: *yaptığımdan pişman oldum* = *yaptığıma pişman oldum* «я раскаялся в содеянном мною».

полнения с конкретно-предметным значением (*bu kitabı okuyor* «читает эту книгу»). Вне этого ряда противопоставлений, т. е. в позиции подлежащего, основн. падеж сам может иметь и конкретно-предметное (*bu at iyidir* «этот конь хорош») и отвлеченно-предметное (*at hayvandır* «конь — животное») значения, т. е. сочетает в себе противоположные значения.

В и н и т е л ь н ы й падеж в прилегающей к глаголу позиции является формой конкретно-предметного дополнения, противостоящей основн. падежу как форме отвлеченно-предметного дополнения, а в отстоящей от глагола позиции он — единственная форма прямого дополнения, противостоящая основн. падежу не как падежу дополнения, а как падежу подлежащего, и соотносённая с другими падежами управляемого дополнения (дат., исх., местн.). При этом в отстоящей позиции, т. е. вне непосредственного противопоставления основн. падежу, вин. падеж может иметь и конкретно-предметное и отвлеченно-предметное значения²¹.

Р о д и т е л ь н ы й падеж в позиции прилегающего определения в изафете противостоит основн. падежу как форма конкретно-предметного определения форме отвлеченно-предметного определения. Вне этого внешнего противопоставления род. падеж является единственной формой определения в изафете с разомкнутыми членами, причем его значения могут доходить до полной противоположности реальному значению принадлежности (ср.: *evin sahibi* «хозяин дома»).

Д а т е л ь н ы й падеж в пространственном, конкретном значении противопоставлен в пределах «своего» ряда исх. и местн. падежам, а своими объектными значениями входит в ряд всех падежей, способных обозначать дополнение, причем объектные значения сочетают в себе семантику объекта направленности действия (действие → объект) с противоположным значением объекта, вызывающего ответную реакцию (объект → действие).

И с х о д н ы й падеж в пространственном, конкретном значении противостоит дат. и местн. падежам, а в объектных своих значениях, соотносённых с другими объектными падежами, выявляет противоположные значения отложительности (объект → действие) и «приложительности» (действие → объект).

М е с т н ы й падеж в обстоятельственных своих значениях противопоставлен в пределах «своего» ряда дат. и исх. падежам, а объектные его значения выходят за пределы этого противопоставления и обнаруживают внутри себя сложное разнообразие (значения среды, сферы действия, средоточия чего-либо; «габаритные» значения: размер, возраст, вид, форма, цвет, вес, цена и т. п.).

В свете изложенных выше методологических принципов эта двойственность значений многозначной формы (в данном случае падежа) может пониматься как инвариантное общее значение. Можно полагать также, что два типа соотношения многозначной формы с другими — в и е ш н я я противопоставленность ближайшим коррелятам в пределах «своего», малого ряда форм и противопоставление всему ряду форм данной категории с расщепленностью значений на противоположные в н у т р и каждой формы — представляют собой д и ф ф е р е н ц и а л ь н ы е п р и з н а к и данной формы. Понятие о грамматически многозначной форме как содержащей в себе противоречивое единство значений отвечает требованиям, предъявляемым к научному понятию: «... вообще *всякое* понятие есть единство противоположных моментов ...»²².

²¹ В позиции отстоящего прямого дополнения форму вин. падежа получают и такие типы слов, которые в прилегающей к глаголу позиции имеют форму основн. падежа (см.: А. Н. К о н о н о в, указ. соч., стр. 400).

²² Г е г е л ь, Соч., V, М., 1937, стр. 205.

Анализ других грамматических категорий — как с многочленным противопоставлением форм (например, категория времени), так и с двучленным противопоставлением форм (например, категория числа) — позволяет думать, что изложенные выше принципы приложимы и к ним. Так, например, простые глагольные времена с неразложимыми показателями времени в турецком глаголе (*-di*, *-yor*, *-ar*, *-acak*, *-miş*) выявляют свою двойственную природу посредством двойного противопоставления их — в рамках «своего» ряда и по отношению к системе сложных прошедших времен (*-yordu*, *-ardı*, *-acaktı*, *-mişti*). Прошедшее время с формантом *-di* в ряду других прошедших времен обозначает особый тип прошлого действия («компактное», нерасчлененное действие), тогда как безотносительно к этому противопоставлению, за пределами ряда прошедших времен, обозначает прошедшее время вообще, т. е. имеет значение прошедшего времени без указания его оттенков. Временная форма с показателем *-yor* в ряду простых форм обозначает настоящее время данного момента, а по отношению к сложным прошедшим временем имеет значение длительности. Форма времени с аффиксом *-miş* в «своем» ряду имеет перфектные оттенки значения, а в ряду сложных форм времени выступает как форма давнопрошедшего времени. Аналогичное соотношение значений можно усмотреть и в других формах времени.

В категории числа простейшее, в нем же и ее соотношение форм с нулевым окончанием и с показателем *-lar/-ler* выглядит как противопоставление значений единицы и множественности, но вне этого соотношения форма ед. числа по-иному противопоставлена форме мн. числа — она имеет значение собирательной множественности (т. е. значение, противоположное значению единичности), противопоставленное значению расчлененности у формы мн. числа. Иначе говоря, каждая форма в двучленной категории числа внутренне противоречива, и оба члена противопоставления выявляют свою противоречивость посредством соотносительности их двойственных значений.

Предложенное выше понимание противоречивой двойственности каждой грамматической формы, хотя и основано на понятии внутрикатегориальных оппозиций, несколько отличается от теории бинарных оппозиций: последняя обращает внимание на внешнее противопоставление отдельных форм, тогда как понятие о вхождении каждой формы в два ряда оппозиций подчеркивает обязательную внутреннюю противоречивость каждой формы, определяющую ее вхождение в два ряда противопоставлений и определяющуюся этими противопоставлениями. Такое понимание соотношения значений у каждой многозначной формы отлично и от теории маркированности одного из членов оппозиции: теория маркированного члена положительно определяет только один из членов противопоставления, а другой член определяет отрицательно, тогда как положение о противоречивой двойственности каждой формы положительно определяет каждый из членов оппозиции как носителя своеобразного, только ему присущего сочетания противоречивых значений, т. е. квалифицирует каждый член субстанциально.